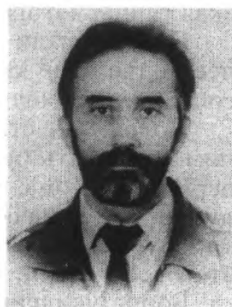

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Повести и рассказы, составляющие книгу «Лишний груз» (Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001), написаны ученым-биологом, профессором УрГУ, зрелым человеком с большим жизненным опытом. Ему хорошо известны вкус поиска и открытий, прелести и трудности жизни в пути.

Пещерные галереи, далекие северные края, палаточные лагеря экспедиций – вот где развивается действие в прозе Н. Г. Смирнова. Герои этой прозы, как правило, интеллектуалы, поглощенные тайнами природы, и, что очень важно, духовно здоровые люди. Они не идеализируют и не драматизируют жизнь, они просто живут, живут полно и созидательно, гармонически сочетая в себе рациональность с верой в непостижимость тайны, силу преодоления с азартом постижения, взрослую умудренность с детскостью.

Н. Г. Смирнов ЛИШНИЙ ГРУЗ (отрывок из повести)

– Мне уже ничего не надо, кроме кружки горячего чая, – взмолился Боб. – И вам вообще скоро ничего не надо будет, если мы быстро отсюда не повернем обратно.

Обратный путь занял меньше времени, не надо было искать нужные ходы и упираться в тупики, но и силы уже не те, что в начале пути. Ощутимая заминка вышла только при подъеме на катушку, но и ее преодолели.

К подножью колодца добрались почти на автопилоте, двигаясь бездумно, как во сне, с единственной мыслью – не останавливаться, шевелиться. Все были так голодны и измучены, что о еде уже никаких мыслей не было. Хотелось только поскорее попасть на вольный теплый воздух, лечь, вытянуться и не шевелиться. Осталось чуть-чуть. Подняться по веревке, выйти к этажерке и все – там тепло летнего дня. Можно сбросить с себя мокрую, пропитанную глиной одежду, походить босиком по нагретой солнцем траве, развести костер, вскипятить чая, потом сварить сытных рожков с тушенкой, съесть их, сколько влезет, до отвала, и уснуть.

Глаза уже слипаются на ходу, а это и есть самое опасное – явно начинают наступать переохлаждение и вместе с ним озноб и сонливость. Ничего, сейчас наши герои истратят последние ка-

лории на подъем по веревке, немного согреются от этих усилий и выйдут к свету и теплу. Боб начал карабкаться первым.

Веревка свисала с потолка грота, как канат в спортивном зале. До стен было далеко, а собственно стенки колодца начинались где-то высоко, там, у потолка грота. С первых движений стало ясно, что Бобу надо помогать. Двое изобразили из своих плеч подставки для ног. Это помогло подняться метра на полтора, а как же дальше? На одних руках надо подтягиваться еще около пяти метров. В нормальных условиях для спортивного Бориса такое упражнение – сущий пустяк, но сейчас, когда все тело бьет озноб, руки едва держат вес собственного тела, поднять его нет никаких возможностей. От ног никакого прока – только лишний груз, они до того перемазаны глиной, что скользят по веревке, как намазанные салом.

У Дока осталось сил только на неуклюжую шутку.

– Будем смотреть правде в глаза, – продолжил он уже очень серьезно. – Никто из нас не способен сейчас залезть по этой проклятой веревке так просто. Надо думать, силой здесь не возьмешь, у нас ее уже нет.

– Давайте навяжем на веревке узлы – предложил Влад. Нижний узел навязали быстро, еще один, еще, а дальше, там, выше, где они нужнее всего, сделать это оказалось очень трудно. Чтобы вязать узлы, веревка должна быть свободной. Пришлось Владу залезть на плечи к Доку, тянуться оттуда и вязать до того уровня, пока хватало роста этой пирамиды. Решили испытать подъем с узлами. Увы, они почти не помогли – мешала скользкая глина, которой перепачкали и веревку, и одежду.

Попробовали еще одно средство – соорудить горку из камней. Собрали все подъемные камни вокруг, но этого явно было мало. Ничего больше в голову не приходило, а холод и усталость брали свое.

Положение становилось отчаянным, и это понимали все. Посторонней помощи ждать было неоткуда – никто не знал, где они и когда должны вернуться. Дома, конечно, хватятся, начнут искать, но живыми уже не найдут. Вот что значит нарушить элементарное правило техники безопасности: спускаясь в пещеру, оставь кого-нибудь на поверхности страховать. Об этом все думали, но никто не говорил.

Борис усиленно гнал от себя такие мысли и пытался вспомнить все, что могло пригодиться. Фонари уже почти погасли, батареи, как и силы людей, были на исходе. Оставили гореть одну свечу. Она стояла на большом камне в середине грота и отбрасывала тени на красновато-серые стены с силуэтами сидящих в разных углах ребят.

Док пытался шутить, но голос был слабым и звучал несколько фальшиво: «Так ведь и простудиться можно. Сидишь тут, мокрый, на холодных камнях, никаких тебе условий для нормального отдыха. Еще и в спину поддувает, закройте кто-нибудь форточку».

– Стоп, Дока, откуда тебе поддувает? Я серьезно спрашиваю, раз дует, там может быть другой ход, а это шанс, – Борис энергично поднялся, взял свечу и пошел в тот угол, где сидел Док. Пламя свечи заметно стало шевелиться, когда ее поднесли к одной из глыб у стены. Под глыбой, между камнями был узкий лаз, через который поддувал воздух, но человеку пролезть было невозможно. Этим ходом, скорее всего, пользовались лисы – на камнях было видно несколько рыжих шерстинок.

– Попробуем расширить ход, – предложил или скорее скомандовал Борис. Все начали раскачивать камни. Те, что поддавались, были быстро уб-

раны. Скоро стало ясно, что глыбы так держат остальные камни, что с ними не справиться. Больше здесь ничего не сделать, и надо было попробовать пролезть так.

Самая подходящая для этого фигура была у Влада. Главное даже не фигура вообще, а голова. Если голова проходит в узость, то все остальное можно протиснуть. Первая попытка оказалась неудачной. В самое первое узкое место голова, хоть и с большим трудом, но проходила, а плечи упорно застревали. Влад вылез обратно, молча снял с себя всю верхнюю одежду и полез так, полуголым. Друзья понимали, насколько это ужасно — собственной кожей, спиной, животом и всем остальным касаться холодных мокрых камней, когда единственным желанием было сохранить в своем теле оставшиеся крупницы тающего тепла. Они молча смотрели, как щуплое тело Влада медленно исчезало в щели между глыбами и последнее, на чем остановился на какое-то мгновение их взгляд, были подошвы его сапог.

Влад быстро сообразил, что лисий ход ведет не к другому выходу из пещеры наружу, а просто тянется до верхнего грота в обход колодца. Ползти было трудно не столько из-за холода, он, конечно, не помогал, но главную неприятность приносили ссадины и раны, которые неизбежно появились на спине, плечах, коленях и локтях, сразу ободранных об острые камни. Пространство, в котором можно было оторвать голову от пола, Влад воспринимал, как подарок судьбы. Он постоянно разговаривал с собой, хвалил себя, уговаривал потерпеть еще немного. Фонарь отдавал уже не люксы, а последние фотоны света. Лампа не светила, в ней просто была еще видна нагретая спираль. Этот светлячок помогал не остаться один на один с полной темнотой. Особенно трудно пришлось на крутом изгибе хода. Торчащий на самом повороте острый угол камня просто испарывал тело. Влад изо всех сил прижимался к противоположной стене и уговаривал себя продвигаться и не обращать внимания на боль от этого пыточного орудия. Еще в одном месте застряла голова, да так, что правое ухо грозило оторваться.

«Кому я нужен без уха», — ворчал на себя Влад и, стиснув зубы, протискивался дальше и дальше, сантиметр за сантиметром.

Наконец, он ощутил перед собой большое свободное пространство. Все, он в гроте, где начался колодец. Надо найти его ощупью, чтобы не свалиться. Крикнул ребят, и они сразу отозвались.

— Берегите тепло и электроэнергию, — произнес он, с трудом сохраняя привычный шутиливый тон. — Я быстро смотаюсь наверх и принесу вам что-нибудь для сугрева. Держитесь.

Боб и Док сели, прижавшись друг к другу спинами, накрылись с головами курткой, штанами и прочей одеждой Влада и приготовились долго ждать. Тепло, выходящее из тела с дыханием, немного задерживалось в этом подобии шалаша.

Влад рывком вскочил и кинулся из последних сил по этажерке к выходу.

Ужас перед страшной реальностью гибели друзей отодвинул все куда-то в сторону. Тепло и свет солнца, буйство запахов и разноцветье леса после мрака и холода пещеры — ничего этого он не замечал.

Доводить воду до кипения было некогда — была бы горячая. Быстро ее — во фляжку, туда же сгущенного молока. Боже, как оно медленно течет. Быстро, прямо на грязь и кровь, накинул на себя запасную одежду, выхва-

тил из рюкзака несколько кусков сахара, пачку печенья и бегом обратно к пещере, к ее пленникам.

Еще на подходе к колодцу он начал кричать неведомо что, лишь бы ребята слышали, что помощь идет, чтобы им легче было держаться. В ответ – ни одного звука. Сердце Влада готово было выскочить из горла от напряжения и страха.

Боб с Доком просто сидели в оцепенении под Владовой одеждой спиной друг к другу, приняв позы, похожие на те, в которых лежат младенцы в утробе матери.

Они едва, сквозь дремоту и уже затуманенное сознание, слышали какие-то звуки у себя над головой. Влад был прямо над ними и готов был спуститься, чтобы растормошить, силой вливать чай, отогреть. Хорошо, что удержался и остался наверху. Они зашевелились, зажгли свечу, которая стояла тоже остывшая, дожидалась своего часа.

Фляжка уже успела остыть так, что можно было пить, и с каждым глотком, к ребятам возвращалась жизнь.

Самого тяжелого решили оставить внизу, а Боба пытались вытащить с двух сторон наверх. Влад тянет сверху, а Док толкает снизу. Если это получится, двое попытаются вытянуть Дока, обвязав его веревкой.

Первый этап прошел на удивление легко. Боб собрал силы и волю в кулак. На первых метрах помогла подставка из спины и плеч Дока, на последних – рука Влада, а посередине – стиснутые собственные зубы.

– Хорошо быть молодым и ловким, – непринужденно сказал Боб.

Вытянуть увесистую тушку Дока двоим измученным оказалось не под силу, а он не был в состоянии ничего сделать для своего спасения. Решили, что Влад побежит за подмогой на разъезд, а Боб будет подбадривать узника и носить ему еду и горячее питье.

Влад добрался до разъезда минут за сорок. Там стоял всего один жилой домик и будка стрелочника. Похоже, все обитатели разъезда были в будке. Влад застал там немую сцену. Никто из трех мужчин и одной женщины не мог произнести ни слова. Все спали нетрезвым сном. Обстановку в будке лучше не описывать, она была безобразна. Влада охватила какая-то тупая злость, и он опять не знал, что ему делать. Вышел и сел на лавочку около будки. Доски под солнцем были горячими и какими-то ласковыми, бархатными. Хотелось лечь на них и никуда не двигаться, от всего отключиться и уснуть. Он просто прислонился спиной к горячей стене будки, прижался к ней затылком и закрыл глаза. Солнце просвечивало сквозь веки, грело лицо, грудь. Вокруг было очень тихо. От шпал и щебенки поднимался тяжелый железнодорожный дух. Влад боялся уснуть и открыл глаза. Стена леса была далеко, и было видно, что ветерок перебирает листья на березах и осинах, но звуки сюда не доходили. Среди кустов, у кромки леса не в такт ветру зашевелились ветки, тут же из них показалась лохматая рыжая собака, а за ней – маленькая девчушка. Они шли к будке, и Влад ждал их приближения. Малышке было не больше четырех лет, ее синее в белый горошек платье было чистеньким и выглаженным. Собака первая подбежала к Владу, обнюхала его ноги, опустила голову, прижала уши и завилала хвостом, как будто они давно были знакомы и она была уверена, что ее сейчас будут гладить и чесать за ухом. Девочка на ходу расчесывала комариные укусы на тоненькой шейке. Все ее голые ноги были в красных пятнах от злых комаров.

– А ты не видел Пашу? – спросила она вместо «здравствуйте».

– Тут все спят, – деликатно ответил Влад.

– Да нет, Паша брагу не пьет, – спокойно и деловито возразила она.

– А кто это Паша и как тебя зовут? – Влад засомневался, что таинственный Паша вообще человек. Может, это теленок или какая другая скотина?

– Меня зовут Зоя, а Паша – наш богатырь.

– Слушай, Зоенька, богатырь-то мне сейчас больше всего и нужен. Давай вместе его искать. Где он может быть? – почему-то не удивившись такому повороту дел, ответил Влад.

– Если в деревню ушел, так должен уж возвращаться, – сказала Зоя, взяла Влада за руку и повела по тропке. От ощущения этой маленькой ручонки в своей ладони ему стало удивительно спокойно и уверенно на душе. Он уже не сомневался, что все их злоключения кончатся благополучно.

Ощущения ощущениями, но надо было торопиться – ребятам все равно плохо, их надо поскорее вытаскивать. Малышка явно уже устала и пылила ножками по хорошо знакомой ей дороге, собака, как на пружинках, весело бежала впереди.

– Может, ты устала, на руки пойдешь, я тебя немного понесу? – предложил Влад.

– Нет, меня только Паша носит, он очень сильный. Скоро мы его встретим.

Они вышли из леса, и открылся широкий вид на долину реки. Дальше дорога шла к деревне через луга, мимо небольших березовых рощиц. Немного в стороне, на взгорке, было хорошо видно деревенское кладбище. К нему подходила жиденькая похоронная процессия из нескольких старушек с покойником на телеге. Влада начал душить хохот, он понимал всю его неуместность, но ничего с собой не мог поделать. Так трагедия и превращается в фарс – друзья на краю гибели, а тут тебе уже и похороны. Это явный перегиб, и остается только хохотать. Он сел у дороги, а Зоя стояла рядом, смотрела на него немного насупленно, но руки не отпускала.

– Присядь, отдохни. Тут ветерок и комаров нет, – предложил Влад.

– Давай посидим, – откликнулась она. – Подождем.

Вскоре девочка показала пальцем на далекую фигуру, которая отделилась от крайних домов и двигалась по дороге в их сторону.

– Вот Паша, из деревни вышел.

Когда он подошел к ним, Зоя побежала навстречу, прыгнула на руки и повисла, уцепилась руками и ногами. Паша ловко подбросил ребенка, усадил себе на загривок и подошел к Владу. Пока они шли эти несколько шагов, девочка успела сказать богатырю на ухо несколько слов, а собака крутилась у них под ногами, скакала и радостно гавкала.

– Паша, выручай, – без лишних предисловий начал Влад. – Двое моих друзей застряли в пещере, одного мы уже вытянули, а другой такой тяжелый, нам не под силу. Пойдем скорее, им там холодно и вообще плохо.

– Ясно, пошли, – был лаконичный ответ. Они быстро зашагали к разъезду.

Через некоторое время Паша первый нарушил молчание.

– А что это у тебя ухо в крови? – Владу пришлось рассказать о своих ползаниях.

– Значит, ты, как Муха, лазил, – усмехнулся он и пояснил: – Года два назад были мы на покосе около пещеры. Приходилось лазать туда каждый день, но не далеко, а так только, где похолодней продукты оставляли. Так

представь, я однажды только зашел туда, а мне навстречу собака вот эта, мы ее потом Мухой стали звать, вылезает из темноты, только почти совсем лысая, без шерсти то есть. Говорят, ее под землю в городе Кунгуре в пещеру пустили, так она здесь вылезла. Хорошо живая, только шерсти лишилась, бедная. Да ничего, обросла быстро. К зиме уже лохматой стала.

Влад не понимал, серьезно говорит Паша или шуточки у него такие. В голове все стало путаться – лысая собака, богатырь, город Кунгур. Ерунда какая-то. Ладно, главное ребят вытащить. За разговорами они быстро подошли к разъезду. Там Паша снял Зою с заливкой, велел ей ждать его в доме, а сам пошел в будку. Влад попытался объяснить, что тех мужиков звать бесполезно, их, мол, самих тащить придется, но Паша сделал вид, что этих слов не слышал. Похоже, для него такая ситуация была не внове.

За то время пока Влада не было, Боб решил подняться наверх, подкрепиться, переодеться самому, взять еды и сухую одежду для Дока.

– Иди, я в порядке, – напутствовал Доктор.

Как только шаги Бориса затихли вдаль, Док ощутил неосознанную тревогу. Конечно, в полной темноте ничего приятного не было, но и темнота сама по себе его уже не пугала. Угроза исходила от чего-то другого. Это самое неприятное, когда не знаешь точно, что тебе угрожает. Оглядываться по сторонам было бессмысленно – все равно кругом полная тьма. Док сидел посреди грота, под колодезем, на той куче камней, что они все вместе собирали, делая первые попытки выбраться.

До него начал каким-то беззвучным путем доходить не звук, а смысл чьих-то слов. Они постепенно проникали и отпечатывались в самой его сущности, внутри «я». Этот смысл был одновременно сладостен и жуток. Человек попытался что-то спросить, но язык не слушался, прилип к небу, гортань стало сводить спазмом. Звук так и застыл, не родившись. Стало невозможно пошевелить ни одним мускулом, сердце не билось, а переворачивалось. Тело больше ему не принадлежало, а дух впитывал и впитывал это.

Дерево каждым листом перебирает музыку ветра.

Змея всем телом обнимает землю и узнает предвестников землетрясения сквозь километры гранита.

Что внутри чего? Медуза в океане или океан в медузе? Кто первый знает, что цунами уже наступило? Оно поднимает каждую лапку и каждый усик прозрачной креветки.

Разве светлячок освещает кому-то путь? Свет просто исходит из него.

Все в этом мире стихло, все смолкло, все приготовилось впитать такой миг. Об этом блаженстве мечтают все существа с момента творения подлунного света. Уже нельзя нарушить эту священную тишину грубым человеческим голосом. Сейчас упадут последние капли и перестанут существовать две части. Еще немного и будет так, как должно быть. Озера уже давно полны водой, в горах все лето простояла причудливая тишина, все ждет, когда прогремит осенний гром. Он набух виноградной кистью, тепло губ дохнуло на голубую жилку у сгиба дивной руки. Сегодня именно этот день. Илья и Перун, Перкунас и Тор и Зевс – все они сделали свое дело: сберегли нас сегодня друг для друга, а твой проводник уже не успеет помешать.

Влад ждал богатыря у начала тропинки, там, где она сбегала с насыпи и ныряла в кусты ивняка. Ему сверху было видно – ленточка петляла по лугу вдоль ручья и скрывалась в березняке. Кругом стояла удивительная тишина, как перед грозой, но ни туч, ни других предвестников стихии не было заметно. На небе было совсем чисто, и только на востоке, на фоне еще светлого горизонта показалась какая-то неестественно большая, полная луна. Выглядела она здесь неуместно, и Влад забыл бы о ней сразу, если бы в следующий момент не услышал рядом, у себя за спиной, жуткий собачий вой. Муха сидела прямо на шпалах, между рельсов, и, задрав голову к этой самой луне, издавала такие звуки, что мурашки заходили у Влада по спине.

– Ну и голосок у тебя, – заметил он, – тебе не собакой, а паровой сиреной работать.

Собака не обращала внимания на Владовы остроты и продолжала выть. Он топнул ногой, шуганул, сделал вид, что поднимает с насыпи камень, но Муха как будто этого не замечала. В ее вое появились новые, какие-то умоляющие нотки. Она переходила на визг и рев, плач и какую-то собачью молитву. Этот звук давил ему не столько на уши, сколько на сердце. Вернулось щемящее ощущение тревоги за друзей, за весь белый свет, который может согнуться под такие звуки. Мыслей никаких не было, но в спину и затылок дохнуло страшным и горячим. Он отпрыгнул с насыпи за долю секунды до того, как на страшной скорости мимо пролетел тепловоз. Пахнувшая соляркой, жаром и гарью дизелей машина была одна, без состава. Она в момент скрылась за поворотом, но в ушах не осталось звуков от стука колес. Был ли тепловоз? Куда смотрел идиот машинист? Что, он не видел человека на путях? Почему не сигнализировал? Эти вопросы промелькнули и улетели из сознания. Муха по-прежнему сидела на путях и выла.

Владу захотелось бегом броситься к пещере и что-то делать для спасения Дока. Где там эти помощники во главе с Пашей? Что он на бесполезных алкашей время тратит? Не успел он об этом подумать, как Муха перестала выть и бросилась по тропе вниз, в сторону пещеры. Влад опять не знал, что ему делать.

В это время Боб, не торопясь, спускался по этажерке с двумя бутербродами и горячей от кипятка фляжкой и репетировал вполголоса песенку про то, как в пещере каменной нашли чекушку водки. Он представлял, как они с Доком могут прокричать ее в гулкой пустоте подземелья. Главное вспомнить все слова и не перепутать, что с чем нашли, – когда в конце нашли источник водки, то стадо мамонтов валялось на песке, это он твердо помнил.

– Док, как там дальше? Помоги! – ожидая продолжения дуэтом, прокричал Боб.

В ответ – ни звука. В ушах – только звон, а в груди – стук сердца.

– Что, ты тоже забыл? – не дождавшись ответа, продолжал вопрошать Боб. Тишина стала гнетущей. Боба охватила паника. Друг только что был в порядке, а сейчас не подавал признаков жизни. Ничтожный свет огарка не позволял пробить темное пространство колодца, но неподвижная человеческая фигура угадывалась там, где должен был сидеть Док. Первым движением Бориса был шаг к колодцу. Надо спуститься по веревке и посмотреть вблизи, что случилось. Второй была мысль о собственной участи. Влад ушел давно, его все нет, и неизвестно, когда будет помощь. С

Доком плохо, и если случилось самое страшное, то ему уже не помочь, а если можно что-то сделать, то надо попробовать. Все, он больше не думал о себе и двинулся к веревке. Его остановил шум в этажерке. Сюда явно кто-то пробирался, но звуки были слабыми и не похожими на те, которые бывают от людей. Боб замер, и весь обратился в слух. Огарок отбрасывал на сырые камни неровные, обманчивые блики. Звуки все приближались и приближались. И вот из темноты лаза явственно послышалось прерывистое нечеловеческое дыхание, и Боб в ужасе разглядел два фосфоресцирующих глаза какого-то крупного зверя.

Пронеслась мысль: вот еще только этого нам и не хватало.

Зверь глухо зарычал, и Боб невольно отступил в сторону, прижался спиной к скале. Мимо него, прыгнув через свечку и погасив ее, промелькнула лохматая туша и исчезла в расщелине, которая вела в нижний грот в обход колодца. Зверь с ворчанием протискивался сквозь узость, и только временами было слышно, как его когти царапают при этом камни.

Боб пошарил вокруг себя по полу в поисках свечи, но безуспешно. Пришлось достать спички. Он ощупью сосчитал – их в коробке осталось всего семь. Одну достал и трясущимися руками ударил о стенку коробка. Раздалось предательское шипение, но настоящего огня не вышло.

– Шесть, – мысленно начал вести отсчет Борис, а сам прислушивался, что происходит внизу – долез ли зверь до грота, где Док по-прежнему не подавал никаких звуков.

– Пять, – и еще одна полетела без пользы в темноту.

– Четыре, – и эта туда же.

– Три, – сырое гореть не хотело.

– Две, – шипение и слабый зеленоватый огонек на долю секунды родился и сразу умер.

Последняя спичка. Надежды почти нет.

Боб с обреченностью подумал: а что от нее толку? Даже если случиться чудо и она загорится, свечу все равно не успею найти и зажечь.

Он сел на камень, и его охватило тупое отчаяние.

Внизу над телом Доктора, который все ощущал с необычайной ясностью, но ничего не мог выразить ни словом, ни жестом, начался безмолвный диалог давних и лютых врагов.

– Я объявляю себя его Проводником. Все дела имей со мной, чтоб тебе на солнышке век проветриваться, – повела непримиримую атаку Муха. Это, конечно, как можно было догадаться, была она.

– Туча полна влагой, готова к игре воды с грубой жестью ржавой водосточной трубы.

– Дообзываешься у меня, выкладывай, что нам забирать и уматывай, чернь подлунная, – настаивала Муха.

Док ничего не понимал в этой странной перебранке какого-то лохматого существа с теплым и мокрым языком, которую оно вело со странно разговорчивым пустым местом. Язык и шерсть он успел ощутить на своей щеке, когда Муха лизнула его, удостоверившись, что он еще живой.

– Переливаю ему все материнские вздохи от зачатия и тяжелой утробы, где он жестоко пинал свою будущую родительницу; все ее родовые вопли и страшные боли; все слезы младенцев, обиженных им вольно и невольно в детском саду и песочнице; измочаленные нервы школьных учителей, всю боль стиснутых скул взрослых мужей, терпевших от него притеснения;

пусть соберется вся горячая горечь от заплаканных юными девами подушек и вольется к нему во вместилище; пусть в нем звучит до скончания века хруст всех раздавленных грубой подошвой крошечных созданий; все, все, что я, его Лунная Тень, за него носила все эти годы, все, что он перегрузил на меня от зачатия до сегодняшнего дня, все это объявляю ныне для себя лишним грузом и возвращаю ему с твоей помощью и при твоём свидетельстве, о явившийся так некстати проклятый, мерзкий, смердящий всем ненавистным солнечным миром Проводник.

– Нет, нет, ты ври, да не завирайся. Причем тут утроба, бедная мать и зачатие, тебя тогда еще при нем не было и этот груз на тебя никто не перекладывал. Давай от твоей первой встречи с ним и ни на минуту больше.

– Все, ритуал закончен, пока, – явно спешила расстаться Муха. – Мне надо его еще от тебя очистить и след твой поганый зализать.

Наверху уже раздавались шаги и голоса нескольких человек. Это Влад с Пашей и помощниками продвигались к месту спасательной операции, где в оцепенении сидел отчаявшийся Боб, а ниже Муха в спешке заканчивала обряд возвращения к жизни третьего бедолаги. Это произвело на Дока странное действие. Он как будто стал засыпать, переставая воспринимать то потустороннее окружающее, которое держало его в безвольном сне-предсмертии. Из этого состояния он переходил в обычный сон, глубокий и спокойный, без сновидений и, главное, стиравший из памяти все, что с ним произошло с тех пор, как он начал пропитываться жутко-сладким, занудным голосом. Муха успела нырнуть в узкий лаз до того, как белый луч железнодорожного фонаря упал на дно колодца и осветил спящего Дока.

Богатырь решительно отодвинул Боба, который бормотал, что-то невнятное, командовал одному из своей команды спуститься вниз, обвязать веревкой пострадавшего и поднимать его. Все было сделано быстро и ловко.

Вечер у костра проходил без обычных шуток и споров. Огонь в костре выплясывал свой магический танец, и глаза не хотели от него отрываться. Казалось, во всем мире наступил покой и разлилось умиротворение. После всех впечатлений этих безумных суток, напряжения сил, голода, холода и крайней усталости тишина, сытость и благодать этого теплого вечера подсказывали, что вот примерно так и бывает человек счастлив просто оттого, что он жив.

В небе начали моргать звездочки, а луна куда-то пропала. Влад внимательно оглядел все небо и, убедившись, что так оно и есть, про себя тихо этому порадовался. Не хотелось ничего тревожащего – ни лунного света, ни собачьего воя, ни стука вагонных колес на рельсовых стыках. Вполне хватало переживания лесных новостей, что каждый вечер вели струйки в ручье, редкого шипенья дров в огне.

Боб лежал на боку, вытянув ноги вдоль костра и подперев голову кулаком. Он пытался спокойно обдумать все, что случилось, дабы в другой раз на такие грабли не наступать, но получалось это плохо. Мысли путались, подступал сон, и вместо уроков на будущее в голову лезла всякая чушь.

Только у Дока на душе никак не наступало покоя. Его неотступно преследовало ощущение чего-то важного, очень-очень существенного, что произошло в его жизни, но что это было, он никак не понимал. Все, что было после того, как его вытащили, он помнил в деталях и пытался в этом разобраться, но это ничего ему не давало. Делиться с друзьями своими сомнениями он не хотел, но и держать все при себе сил больше не было.

– После рожек с тушенкой мне приснился странный сон. Хотите – расскажу. За лучшую его разгадку гарантирую приз.

Не дожидаясь ответа, он начал рассказывать свое сновидение. Ведь остальное происходило у всех на глазах, и в этом ничего странного не было, а сон был единственным из того, что он помнил, но не понимал.

На него из темноты кустов внимательно смотрела пара глаз собаки Мухи.